

КУДРИНА Наталья Викторовна

**ПРЕДМЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПОЭЗИИ
АННЫ АХМАТОВОЙ**

Специальность 10.02.01 – «Русский язык»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Челябинск - 2008

Работа выполнена на кафедре русского языка Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Курганский государственный университет»

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор
Ратушная Екатерина Радиогеловна

Официальные оппоненты - доктор филологических наук, доцент
Маркова Елена Михайловна

кандидат филологических наук, доцент
Антропова Вера Владимировна

Ведущая организация - ГОУ ВПО «Тобольский государственный педагогический институт имени Д.И. Менделеева»

Защита состоится «17» декабря 2008 года в __ часов на заседании объединённого диссертационного совета ДМ 212.295.05 при ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет» и «Тюменский государственный университет» по адресу: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 19, конференц-зал (ауд. 116).

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки Челябинского государственного педагогического университета (454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69).

Автореферат разослан «__» ноября 2008 года

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Л.П. Юздова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Одним из актуальных направлений современных лингвистических исследований, основанных на принципе антропоцентризма, является анализ употребления языковых средств в творчестве одного писателя или поэта, выявление способов выражения авторского мировоззрения при помощи единиц языка. Исследуя функционирование фразеологизмов в творчестве одного автора, описывая языковую личность с позиций фразеологии, лингвисты обращаются к творчеству А.С. Пушкина [Соловьева 1995], А.М. Ремизова [Фокина 1995], А.Н. Островского [Ломов 1998], В.Ф. Ходасевича [Коршкова 2005], Л.Н. Толстого [Ломакина 2006] и других. Изучение фразеологии в поэтических текстах Анны Ахматовой находится в русле данного направления.

Анна Андреевна Ахматова является одним из наиболее ярких представителей русской литературы XX века. Творчество поэтессы, которая создала уникальную лирическую систему [Кихней 1997], выходит далеко за рамки культуры серебряного века. Её стихи выражают внутренний мир человека - современника поэтессы, в них отражена трагическая история России и её народа.

Творчеству А. Ахматовой посвящены труды многих известных учёных: В.М. Жирмунского, Т.Н. Цивьян, Б. Эйхенбаума, Р.Д. Тименчика, В.Н. Топорова, А.И. Павловского, Л.Г. Кихней и других. При этом необходимо отметить, что большая часть исследований носит литературоведческий характер. В лингвистическом аспекте рассматривают поэзию Ахматовой В.В. Виноградов [Виноградов 1976], Л.А. Кузнецова [Кузнецова 1995], Т.Н. Данькова [Данькова 2000] и некоторые другие учёные. Однако в целом язык поэзии Анны Ахматовой, который является богатейшим источником для лингвистических изысканий, ещё недостаточно изучен и нуждается в более глубоком и всестороннем исследовании.

Актуальность нашей работы обусловлена отсутствием трудов, посвящённых анализу функционирующих в поэзии Анны Ахматовой фразеологических единиц. Фразеология является одной из важнейших составляющих индивидуального поэтического языка Ахматовой. В нашей работе исследованы предметные ФЕ, которые занимают центральное место во фразеологии поэтессы, ярко отражают особенности её мировоззрения, способствуют авторскому самовыражению.

Объект исследования – предметная фразеология в поэтическом творчестве А. Ахматовой.

Предмет исследования – семантика предметных фразеологизмов и её формирование, особенности преобразования данных фразеологизмов в поэзии А. Ахматовой.

Цель данного диссертационного исследования - описать семантику предметных фразеологизмов в лирике А. Ахматовой в ее отношении к авторской индивидуальности, обуславливающей характер преобразований фразеологизмов, с учётом особенностей поэтической речи.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

1. Выявить состав предметных фразеологизмов в лирике Анны Ахматовой, определить узуальные, поэтические и индивидуально-авторские фразеологические единицы, функционирующие в стихах поэтессы.

2. Провести семантическую классификацию предметных фразеологизмов в поэзии А. Ахматовой, выявить семантические субкатегории, подсубкатегории, разряды, группы, подгруппы и микрогруппы фразеологизмов.

3. Исследовать процесс формирования семантики предметных фразеологизмов в творчестве поэтессы, определить роль компонентов фразеологизмов в создании семантической структуры фразеологических единиц.

4. Исследовать специфику преобразований предметных ФЕ в поэтическом творчестве А. Ахматовой, выявить разновидности трансформаций фразеологических единиц во взаимосвязи с творческой индивидуальностью поэтессы.

Научная новизна настоящего исследования определяется тем, что:

- впервые выявлен состав предметных фразеологизмов, функционирующих в поэтических текстах А. Ахматовой; определены общеязыковые, поэтические и индивидуально-авторские фразеологические единицы;

- разработана многоуровневая семантическая классификация исследуемых ФЕ, включающая семь уровней членения; выявлены семантические субкатегории, подсубкатегории, разряды, группы, подгруппы и микрогруппы;

- исследована специфика формирования семантики фразеологизмов в творчестве поэтессы, определена роль компонентов в создании семантической структуры предметных ФЕ;

- исследованы семантические и структурно-семантические преобразования фразеологизмов в поэзии А. Ахматовой, обусловленные контекстом стихотворений и творческой индивидуальностью поэтессы; выявлены окказиональные единицы, созданные автором.

Материалом исследования послужила оригинальная авторская картотека фразеологизмов, функционирующих в поэтических сборниках Анны Ахматовой «Вечер», «Чётки», «Белая стая», «Подорожник», «Anno Domini», «Тростник», «Нечет», «Бег времени», в поэмах «У самого моря», «Русский Трианон», «Реквием», «Поэма без героя». Картотека включает 600 ФЕ с предметным типом семантики.

Теоретическую основу диссертации составляют работы, посвящённые исследованию фразеологии русского языка: Н.Ф. Алефиренко, А.М. Бабкина, В.В. Виноградова, В.П. Жукова, А.М. Мелерович, А.И. Молоткова, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия и других. Особое значение для настоящей работы имеют исследования ученых Челябинской фразеологической школы: А.М. Чепасовой, В.А. Лебединской, Л.П. Гашевой, Е.Р. Ратушной и других.

Под фразеологической единицей (фразеологизмом, ФЕ), вслед за учёными Челябинской фразеологической школы, мы понимаем самостоятельную номинативную единицу языка, обладающую признаками устойчивости, семантической целостности, сверхсловности, раздельнооформленности и воспроизводимости [Лебединская 1987].

В своей работе, анализируя фразеологический состав поэзии А. Ахматовой с точки зрения семантико-грамматических свойств, мы используем классификацию А.М. Чепасовой, в соответствии с которой фразеологические единицы делятся на 9 семантико-грамматических классов [Чепасова 2006]. Среди них выделяются предметные ФЕ, которые обозначают предмет в широком значении этого слова и по своему категориальному значению соотносятся с существительным [Чепасова 2003].

Специфика поэтического текста обуславливает необходимость и целесообразность широкого понимания фразеологии, согласно которому фразеологический фонд включает «устойчивые сочетания разного типа – от идиоматики до устойчивых словесных комплексов» [Мокиенко 2005]. Согласно концепции полевой организации фразеологического состава русского языка [Добрыднева 2000, Ратушная 2001 и другие], во фразеологии Ахматовой мы выделяем центральную часть (ядро) и периферию. Ядро фразеологической системы составляют фразеологические сращения и фразеологические единства (*вавилонская блудница, насущный хлеб*). На периферии располагаются:

- фразеологические сочетания (*белые ночи*);
- составные терминологические наименования (*текущий счёт*);
- фразеологические обращения (*мой милый*);
- единицы с дефисным написанием (*государыня - смерть, Москва - река*);
- поэтические фразеологизмы (*священное ремесло, нежный недуг*);
- имена собственные - составные наименования географических объектов (*Старая Русса*);
- имена литературных персонажей (*Дон Кихот*);
- имена исторических деятелей (*боярыня Морозова, Пётр Великий*);
- окказиональные образования (*Божья немилость, город парков и зал, внушки пушкинских красавиц*).

Помимо общеязыковых ФЕ, в поэзии Ахматовой мы выделяем поэтические фразеологизмы. Вслед за Е.И. Алещенко, под поэтическим фразеологизмом мы понимаем «своеобразную синкретическую «пограничную» гибридную единицу художественной речи, совмещающую в себе свойства метафоры и перифразы, преимущественно используемую в художественном тексте» [Алещенко 1998]. При исследовании поэтической фразеологии как особого разряда образных единиц художественной речи мы опирались на работы Е.И. Алещенко, М.А. Бакиной, В.В. Виноградова, А.Д. Григорьевой, Н.Н. Ивановой, А.С. Киндеркнехт, Н.А. Кузьминой, С.Е. Мыльниковой, Е.А. Некрасовой, Л.Н. Рынькова, и других.

Исследованием поэтической фразеологии занимались многие лингвисты [Алещенко 1998; Виноградов 1999; Григорьева 1964, 1969; Иванова 1964, 1969, 1989, 1992; Кузьмина 1977; Рыньков 1975 и другие], которые называли различные признаки поэтического фразеологизма, такие как: номинативность, семантическая целостность, идиоматичность, раздельнооформленность, образность, устойчивость, воспроизводимость. Эти признаки сближают их с языковыми ФЕ. Однако, по мнению большинства исследователей, некоторые признаки у поэтических фразеологизмов приобретают особое значение, отличное от языковых ФЕ.

Во-первых, в отличие от узуальных ФЕ, поэтические фразеологизмы, как правило, сохраняют внутреннюю форму, при этом один из компонентов обладает фразеологически связанным значением, которое он приобретает только в составе данной единицы; другие компоненты могут сохранять своё прямое значение [Рыньков 1975, Алещенко 1998]. Тем не менее общее значение единицы не сводится к сумме значений составляющих её компонентов и является идиоматичным.

Во-вторых, поэтические фразеологизмы обладают *относительной* воспроизводимостью и устойчивостью (А.Д. Григорьева; Н.Н. Иванова; Л.Н. Рыньков; Н.А. Кузьмина; Е.И. Алещенко), так как только образ, создаваемый опорным компонентом, является устойчивым и традиционным. Поэтому под устойчивостью у поэтических фразеологизмов мы понимаем ограниченность в лексико-семантической сочетаемости стержневого компонента [Алещенко 1998].

В-третьих, поэтические фразеологизмы, являясь единицами вторичной номинации, всегда обладают яркой коннотативностью [Григорьева 1969].

Кроме того, поэтические фразеологизмы наделены определёнными дифференциальными признаками, которые отличают их от языковых ФЕ.

1) Поэтические фразеологизмы принадлежат к ограниченному количеству тематических групп и обозначают лицо, пейзаж, войну, поэтическое творчество, жизнь и смерть, чувства и состояния человека [Григорьева, Иванова 1969; Иванова 1992].

2) Сфера функционирования поэтических фразеологизмов ограничена художественным текстом, хотя граница между поэтической и традиционной фразеологией открыта [Григорьева 1964; Рыньков 1975; Иванова 1992; Алещенко 1998].

3) Поэтические фразеологизмы могут принадлежать только к трём семантико-грамматическим классам: предметным, процессуальным и качественно-обстоятельственным [Алещенко 1998], так как единицы этих классов выполняют функцию номинации предметов, процессов и их свойств и при этом несут в себе образ описываемого явления.

4) Поэтические фразеологизмы обычно имеют положительную коннотацию, в отличие от языковых ФЕ, которым чаще свойственна отрицательная коннотативная окраска [Григорьева, Иванова 1969].

В художественном тексте поэтические фразеологизмы призваны повысить воздействие речи на читателя, так как в их основе лежат ассоциативные связи между предметами и явлениями, позволяющие отразить субъективное авторское восприятие действительности.

Этой же цели служат окказиональные (индивидуально-авторские) единицы, которые возникают под влиянием контекста на базе продуктивных и непродуктивных языковых моделей для выполнения определённых стилистических и эстетических задач. В силу своей необычности на фоне нормативных языковых единиц, они обладают повышенной выразительностью и играют важную роль в семантико-структурной и коммуникативной организации поэтических текстов.

Обобщая концепции разных учёных, к окказиональным, или индивидуально-авторским, фразеологизмам мы относим: 1) собственно

оказиональные ФЕ, созданные в результате различного рода трансформаций общеязыковых и поэтических фразеологизмов (*последняя сила, первый луч*) [Мелерович, Мокиенко 2001; Фокина 1995; Золотых 2000; Гашева 2006]; 2) индивидуально-авторские ФЕ, обладающие повторяемостью в рамках индивидуальной поэтической системы (*первые дни*) [Фокина 1995]; 3) индивидуально-авторские ФЕ перифрастического характера, которые представлены единичными употреблениями (*город печали и гнева* – Петербург).

Большая часть индивидуально-авторских ФЕ представлена перифразами – «словесными выражениями описательного характера в функции повторной (вторичной, косвенной) номинации» [Грехнёва 1999]. Индивидуально-авторские фразеологизмы перифрастического характера представляют собой факт речи, их смысл и стилистическое назначение выясняется из конкретного контекста, вне которого они не воспроизводимы.

Исследуя поэтическую речь Анны Ахматовой, мы опирались на труды М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, В.П. Григорьева, Ю.М. Лотмана, Р.О. Якобсона, Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарина и других учёных, которые рассматривают поэтический язык как особую структурно-функциональную систему языковых знаков, систему средств художественного мышления и эстетического освоения действительности, в которой реализуется поэтическая функция языка [Якобсон 1975].

Теоретическая значимость работы состоит в том, что исследование вносит вклад в изучение поэтического языка Анны Ахматовой, раскрывая одну из важнейших составляющих её идиостиля – предметную фразеологию, которая ярко отражает особенности мировоззрения и мироощущения поэтессы, позволяет глубже раскрыть её авторскую индивидуальность. Диссертационное исследование вносит вклад в теорию поэтической речи, расширяет представление о специфике функционирования фразеологии в поэтическом тексте.

Практическая значимость определяется возможностью использования материалов исследования в преподавании курсов стилистики русского языка и лингвистического анализа текста, а также в спецкурсах и семинарах по фразеологии, языку художественной литературы, в учебных пособиях по стилистике русского языка и художественной речи. Материалы диссертации могут быть использованы при составлении словаря фразеологии Анны Ахматовой.

В работе используются следующие **методы и приемы исследования**:

1) метод наблюдения, с помощью которого был отобран материал для дальнейшего анализа;

2) описательный метод с применением приемов интерпретации, сопоставления и обобщения при классификации фразеологических единиц и способов их преобразования;

3) статистический метод для выявления соотношения различных семантических объединений фразеологизмов и обобщения полученных результатов;

4) метод компонентного анализа для изучения семантической структуры фразеологизмов и механизма ее формирования;

5) метод контекстуального анализа для исследования реализации

семантики фразеологизмов в условиях контекста поэтического произведения с учётом взаимодействия его частей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Фразеология является важным стилеобразующим фактором в создании индивидуального поэтического языка Анны Ахматовой, так как фразеологизмы имеют особый эстетический и культурно-исторический смысл, обладают богатыми возможностями в выражении эмоционально-оценочного отношения человека к окружающему миру. Фразеология в творчестве А. Ахматовой носит ярко выраженный предметный характер, что определяется особенностями мировоззрения поэтессы, её стремлением воспроизвести всё многообразие предметов и явлений реальной действительности, отразить «вещность» мира и его органическую целостность. Предметные фразеологизмы занимают центральное место во фразеологической системе поэтического языка Анны Ахматовой. Это наиболее многочисленный семантико-грамматический класс, представленный 600 единицами (55% от общего количества функционирующих в лирике поэтессы ФЕ).

Предметные фразеологизмы в творчестве Анны Ахматовой семантически разнообразны, они номинируют широкий круг предметов и явлений реальной действительности и объединяются в две семантические субкатегории: 1) наименования неодушевлённых предметов; 2) наименования одушевлённых предметов.

2. Наиболее многочисленны фразеологизмы I субкатегории, обозначающие неодушевлённые предметы. Внутри данной субкатегории мы выделяем 2 подсубкатегории: 1) наименования конкретных предметов, пространственных объектов и временных отрезков; 2) наименования абстрактных понятий. При этом преобладают ФЕ, обозначающие конкретные предметы, пространственные объекты и временные отрезки (309 ФЕ, или 64%). Это связано с тем, что данные фразеологизмы позволяют с помощью «вещных» образов окружающей действительности косвенно передать чувства лирической героини, воссоздать предметы и явления реальной действительности, передать все детали окружающего героев пространства, отразить течение времени. Особенно ярко представлены фразеологические топонимы (119 ФЕ) и наименования явлений природы (72 ФЕ). Подсубкатегория конкретных предметов, пространственных объектов и временных отрезков представлена общеязыковыми (43%), поэтическими (43 %) и индивидуально-авторскими (14%) фразеологизмами.

Фразеологизмы подсубкатегории абстрактных понятий включают 176 единиц (36%). Наиболее многочисленные группы составляют фразеологические наименования смерти (36 ФЕ) и любви (28 ФЕ). Эти фразеологизмы отражают христианское мировоззрение поэтессы, её философское отношение к жизни и смерти, внимание к тонким душевным переживаниям человека. Важное место занимают фразеологические наименования поэзии и поэтического творчества (29 ФЕ). Среди подсубкатегории абстрактных понятий преобладают поэтические фразеологизмы (81%), 19% составляют общеязыковые ФЕ.

3. Фразеологизмы II субкатегории, называющие одушевлённые предметы (115 ФЕ, или 19%), совпадают с субкатегорией лица, что отражает общую закономерность русской фразеологии. Называя отдельного человека, Ахматова

стремится подчеркнуть его индивидуальность. Поэтому среди ФЕ данной субкатегории особенно ярко представлены индивидуально-авторские фразеологизмы перифрастического характера (49%), которые называют лицо - конкретного человека или историческую личность - по характерному с точки зрения автора признаку. Используя приём умолчания, поэтесса заменяет прямые лексические наименования людей фразеологическими. Субкатегория одушевлённости представлена также общеязыковыми (34%) и поэтическими (19 %) фразеологизмами. ФЕ данной субкатегории отражают человека во всём многообразии его свойств и качеств, но преобладают наименования людей по социальным свойствам, наименования писателей и современников поэтессы.

4. Творческая индивидуальность Ахматовой ярко проявляется, с одной стороны, в стремлении к преобразованию и трансформации ФЕ в поэтической речи, с другой, - в создании новых, окказиональных единиц: 38% узуальных и 67% поэтических фразеологизмов функционируют в её стихах в трансформированном виде. Преобразованию фразеологизмов способствует их контекстное окружение, цели, которые ставит перед собой автор в конкретном стихотворении, культурно-исторический контекст. Ахматова широко использует семантические и структурно-семантические преобразования узуальных фразеологизмов, среди которых выделяются: инверсионное и дистантное расположение компонентов ФЕ; замена компонента фразеологизма; сокращение компонентного состава ФЕ (эллипсис). Преобразование поэтических фразеологизмов происходит в результате включения в состав ФЕ нового квалифицирующего или образного компонента либо формирования синонимического ряда на основе нового образа.

5. Специфика формирования семантики исследуемых единиц связана с их субкатегориальным и подкатегориальным значением. Наиболее ярко она проявляется у поэтических и индивидуально-авторских ФЕ. В лирике Ахматовой поэтические фразеологизмы, как правило, номинируют абстрактные понятия. При этом семантическая структура фразеологизмов подкатегории абстрактности во многом определяется фразообразующими субстантивными компонентами, в роли которых выступают абстрактные существительные, формирующие абстрактное значение ФЕ. Эти компоненты актуализируют во фразеологизмах семы, определяющие ассоциативное, поэтическое наполнение данных единиц. Фразообразующие субстантивные компоненты - конкретные существительные отражают чувственные, материальные образы абстрактных сущностей. Атрибутивные компоненты при этом уточняют, конкретизируют образное представление.

Значение большинства индивидуально-авторских ФЕ, к которым относятся прежде всего наименования конкретных личностей или фразеологические топонимы, формируется на основе двух грамматических моделей: модели генитивного сочетания и модели сочетания существительного и прилагательного. В состав единиц, построенных по модели генитивного сочетания, входят фразообразующие компоненты в форме номинатива, которые, будучи грамматически самостоятельными, представляют собой слова с фразеологически связанными значениями при семантически господствующем генитиве. Семантическая структура единиц, построенных по модели сочетания существительного с прилагательным, определяется субстантивным

компонентом, который квалифицируется разными определяющими, в зависимости от того, какой признак положен в основу наименования.

Апробация работы. Основные положения диссертации излагались в докладах и сообщениях на научных конференциях: Международной научной конференции «Фразеология и идиоматика языка специальности в синхронии и диахронии» (Братислава (Словакия), 2005); Всероссийской научной конференции «Фразеологические чтения» (Курган, 2005; 2008); Международной научно-практической конференции «Информационный потенциал слова и фразеологизма» (Орёл, 2005); Всероссийской научной конференции с международным участием «Традиционная культура сегодня: теория и практика» (Челябинск, 2006); Международной научно-практической конференции «Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры» (Кострома, 2006); III Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 2007); Международной научно-практической конференции «Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе» (Кострома, 2008) и других, что отражено в 17 публикациях.

По материалам работы опубликована статья в научном журнале «Вестник Челябинского государственного педагогического университета», рецензируемом ВАК (Челябинск, 2007).

Структура диссертации. Работа состоит из вводной главы, четырёх глав, заключения, библиографического списка (319 наименований), приложения. Основной текст диссертационного исследования изложен на 181 странице.

Основное содержание работы

Во **вводной главе** обосновывается актуальность выбранной темы, формулируются цель и задачи работы, даётся краткий обзор наиболее значимых научных трудов, определяются объект, предмет и методы исследования, раскрывается научная новизна работы, её теоретическая и практическая значимость, поясняются основные теоретические положения, используемые в работе.

В **первой главе «Семантика фразеологизмов, обозначающих конкретные предметы, пространственные объекты и временные отрезки, в поэзии А. Ахматовой»** рассматриваются наиболее многочисленные в творчестве поэтессы ФЕ I подкатегории, которые называют конкретные предметы и другие конкретные материальные явления (309 ФЕ, или 64%). ФЕ данной подкатегории объединены в три семантические разряда: 1) наименования конкретных предметов; 2) наименования пространственных объектов; 3) наименования временных отрезков.

Данная подкатегория представлена общеязыковыми (43%), поэтическими (43 %) и индивидуально-авторскими фразеологизмами (14%).

В § 1 «**Наименования конкретных предметов**» рассмотрены ФЕ, называющие конкретные предметы и явления реального мира (117 единиц). Отличительной особенностью ахматовской поэзии является то, что «вещные» образы реальной действительности способствуют косвенному воспроизведению психологического состояния героев.

ФЕ - наименования конкретных предметов объединяются в четыре семантические группы и называют: явления природы; артефакты; части тела человека; вещества. Внутри групп ФЕ объединяются в 12 подгрупп.

Наиболее многочисленную группу составляют фразеологизмы, номинирующие явления природы (72 ФЕ), большая часть которых относится к поэтической фразеологии. Эти ФЕ служат средством создания пейзажа, передают детали окружающего героев пространства, отражают внутреннее состояние лирической героини, ассоциативно связанное с определёнными картинами природы, подчёркивают экспрессию поэтического текста. Образная основа большого количества ФЕ данной группы опирается на признак цветовой окрашенности, поэтому в их состав входят атрибутивные компоненты *зелёный, белый, голубой, синий, золотой*.

ФЕ, обозначающие явления природы, объединяются в 9 подгрупп и называют: небо (*звёздный кров, синяя купель, чистая лазурь*); атмосферные явления (*снежный прах, белая сетка инея, гряда облаков*); небесные тела (*звёздные стаи, серп поднебесный*); растения (*зелёный табор, шатёр тенистых тополей*); водную поверхность и водоёмы (*голубая гладь, синяя скатерть воды, недра лунных вод*); солнечные лучи (*золотой праздник*); запахи, ароматы (*дыханье гвоздики, дыханье земли*); гром (*грохот грома, раскат грома*). Например: «*Звёзд иглистые алмазы // К Богу взнесены*» (Белая стая); «*Над городом древним алмазные русские ночи // И серп поднебесный желтее, чем липовый мёд*» (Anno Domini); «*О, тихого края // Плащ голубой!...*» («Путём всея земли»); «*О, как пряно дыханье гвоздики...*» (Бег времени).

Среди ФЕ данной группы наиболее ярко представлены наименования неба (16 ФЕ). Будучи синонимичными друг другу, они имеют разные образные основы, связанные с пространственным представлением о небе как о крыше, выпуклом покрове, своде (*свод небес, высокий купол*); с реалиями земной поверхности (*небесная твердь, небесный простор*); с уподоблением камню или стеклу (*бирюза неба, прозрачное стекло пустых небес*) и др. Например: «*Надо мною свод воздушный, // Словно синее стекло*» (Вечер); «*И святочного неба бирюза, // И всё кругом блаженно и безгрешно...*» (Стихи последних лет).

В § 2 «**Наименования пространственных объектов**» рассмотрены ФЕ второго семантического разряда, которые называют пространственные объекты, имеющие разную степень локализации (148 ФЕ). Художественное пространство поэтических текстов Ахматовой чётко структурировано, оно может быть реальным или ирреальным. ФЕ - наименования пространственных объектов не только воссоздают облик действительности, но и передают культурные знаки эпохи, являются частью исторического контекста поэзии, способствуют моделированию внепространственных отношений [Лотман 1988].

ФЕ данного разряда объединяются в 4 семантические группы: фразеологические топонимы; пространственные наименования с обобщенным значением; наименования гроба, могилы; наименования ирреального пространства. Внутри групп выделяются 7 подгрупп и 9 микрогрупп.

Наиболее многочисленную группу составляют фразеологические топонимы (119 ФЕ) - наименования реально существующих географических объектов, которые имеют разную степень локализации и называют: 1) локальные объекты (*Исаакиевский собор, Летний сад, Божий дом*); 2)

географические объекты (*Царское Село, город парков и зал, пленительный город загадок, Русский Трианон, Москва-река, Золотоглавая Пальмира*); 3) обширные территории (*Сибирская Земля, Карпатские высоты, Саровские леса*). Например: «Здесь не Темник, не Шуя - // *Город парков и зал, // Но тебя опишу я, // Как свой Витебск – Шагал*» (Стихи последних лет); «На мой вопрос с священной простотою // Сказал сосед: «Там *Царское Село, // Оно вчера, как свечка, догорело*». // И спрашивать я больше не посмела» («*Русский Трианон*»).

Для Ахматовой актуальны ФЕ – наименования локальных объектов (63 ФЕ), среди которых ярко представлены объекты Петербурга - Петрограда - Ленинграда, имеющие многочисленные смысловые и культурно-исторические ассоциации: *Волково поле, Петропавловская крепость, Смоленское кладбище, Фонтанный дом (дворец), Летний Сад* и т.д. (всего 29 ФЕ). Например: «В грозных айсбергах *Марсово поле, // И Лебяжья* лежит в хрусталях...» (Тростник); «Во мне ещё, как песня или горе, // Последняя зима перед войной. // Белее сводов *Смольного собора, // Таинственней, чем пышный Летний сад, // Она была*» (Белая стая); «Жить – так на воле, // Умирать – так дома. // *Волково Поле, // Жёлтая солома*» (Нечет).

Среди фразеологизмов, называющих географические объекты, выделяются трагические по эмоциональной окраске индивидуально-авторские ФЕ, называющие Петербург, который занимает особое место в жизни Ахматовой и является своеобразным феноменом культуры (*пышный гранитный город славы и беды; мрачнейшая из столиц; тёмный город у грозной реки; строгий, многоводный, тёмный город* и др.). Например: «Был блаженной моей колыбелью // *Тёмный город у грозной реки // И торжественной брачной постелью, // Над которой держали венки // Молодые твои серафимы, - // Город, горькой любовью любимый*» (Белая стая).

Индивидуально-авторские фразеологические топонимы (34 ФЕ) в лирике Ахматовой являются своеобразными аналитическими наименованиями географических объектов. В семантической структуре данных ФЕ актуализируются семы, которые содержат указание: а) на то, с чьим именем или с кем связан географический объект (*священный град Петра; город Пушкина; Венеция Дожей*); б) на чувства автора, связанные с ним (*город печали и гнева; город, горькой любовью любимый*); в) на характерные признаки топонима (*столица приневская; тёмный город у грозной реки; город парков и зал; остров зеленый*).

Семантика индивидуально-авторских ФЕ реализуется при помощи двух основных грамматических моделей: модели генитивного сочетания с фразообразующими компонентами *город, родина, страна* (*город пышных смотров; пленительный город загадок; родина бессмертных роз; страна атласных баут*) и модели сочетания существительного и прилагательного с фразообразующим субстантивным компонентом *столица* (*распятая столица, королевская столица*). Например: «Не *столицею европейской // с первым призом за красоту - // Душной ссылкой енисейской, // Пересадкою на Читу, ... // Показался мне город этот // Этой полночью голубой, // Он, воспетый первым поэтом, // Нами грешными – и тобой*» (Бег времени); «Подымались, как к обедне ранней, // По *столице одичалой* шли, // Там встречались, мёртвых бездыханней...» («Реквием»).

ФЕ с обобщенным пространственным значением немногочисленны в творчестве Ахматовой (*белый свет, Божий мир, обетованный рай, Родная земля*), что объясняется стремлением поэтессы с максимальной точностью воссоздать действительность. Входящие в состав этих единиц фразообразующие субстантивные компоненты *свет, мир, земля* актуализируют из своего лексического значения сему абстрактности, вследствие чего ФЕ приобретают широкое обобщающее значение. Например: «И ранней смерти так ужасен вид, // Что не могу на *Божий мир* глядеть я» (Белая стая); «Тебе – *белый свет*, // Пути вольные, // Тебе зорюшки // Колокольные» (Бег времени).

ФЕ - наименования гроба, могилы обозначают место погребения тела умершего (*последнее жилище, сосновая кровать, свежевыкопанный ров, чугунная ограда*). Субкатегория конкретности формируется благодаря конкретным субстантивным компонентам (*ограда, доска, кровать, ров, жилище*), атрибутивные компоненты (*могильный, свежевыкопанный, последний*) уточняют функцию названных предметов. Например: «В *последнем жилище* // Меня упокой» («Путём всяя земли»); «*Чугунная ограда, // сосновая кровать. // Как сладко, что не надо // Мне больше ревновать*» (Anno Domini).

ФЕ, обозначающие ирреальное пространство, называют загробный мир и рай (*бессмертный берег, летейские поля, царство тени, ангельский сад, дверь рая, сады Отца*). Данные единицы отражают христианское мировосприятие поэтессы, согласно которому физическая жизнь человека – это конечный отрезок пребывания души в смертном теле, сама душа бессмертна. В основе большинства из них лежит признак, воплотившийся в приравнивании ирреального пространства к явлениям земной поверхности. Особенностью творчества Ахматовой является отсутствие в её стихах ФЕ, называющих ад. Например: «Мне ничего на земле не надо, // Ни громов Гомера, ни Дантова дива. // Скоро я выйду на *берег счастливый*» (Тростник); «Доля матери – светлая пытка, // Я достойна её не была. // В *белый рай* растворилась *калитка*, // Магдалина сыночка взяла» (Белая стая).

В § 3 «**Наименования временных отрезков**» анализируются ФЕ, которые называют различные временные отрезки (44 ФЕ) и отражают сиюминутное течение жизни, потому что время в поэзии Ахматовой измеримо, а лирическая героиня стихов живёт в конкретном историческом и временном промежутке. ФЕ - наименования временных отрезков объединены в 5 семантических групп: названия праздников и памятных дат (*Божий Праздник, Воскресение Христа, Духов день, Страстная Неделя*); наименования конкретного времени суток (*вечерние часы, лиловый сумрак, лукавый час зари, белые ночи*); наименования абстрактных временных отрезков (*завтрашний день, первые дни, серебряный век, прохладная детская молодого века*); наименования времени года (*дни весны, праздничный беспорядок, трагическая осень*); наименования времени и вечности (*бег времени, бесстрастная рука времени, голос вечности, течение годов*). Например: «Стрелецкая луна. Замоскворечье... Ночь. // Как крестный ход, идут часы *Страстной недели*» (Тростник); «Я всем прощение дарую // И в *Воскресение Христа* // Меня предавших в лоб целую, // А не предавшего – в уста» (Бег времени); «Однажды поздним летом иностранку // Я встретила в *лукавый час зари*» (Anno Domini); «Здесь всё меня переживёт, // Всё, даже ветхие скворешни // И этот воздух,

воздух вешний, // Морской свершивший перелёт. // И *голос вечности* зовёт // С неодолимостью нездешней» (Стихи последних лет).

В состав ФЕ, называющих временные отрезки, входят темпоральные субстантивные фразообразующие компоненты *день, неделя, праздник, дата, час, век*; грамматически зависимые компоненты конкретизируют фразеологические значения.

Одним из наиболее частотных в поэтических текстах Ахматовой является фразеологизм *поминальный день (час)* (4 употребления), что связано с важной для поэтессы категорией памяти [Чуковский 1967; Кихней 1997]. Например: «Опять *поминальный* приблизился *час*. // Я вижу, я слышу, я чувствую вас: // И ту, что едва до окна довели, // И ту, что родимой не топчет земли» («Реквием»).

Во 2 главе «Семантика фразеологизмов, обозначающих абстрактные понятия, в поэзии А. Ахматовой» мы анализируем ФЕ II подсубкатегории, обозначающие абстрактные понятия (176 ФЕ, или 36%). Специфика фразеологизмов данной подсубкатегории состоит в том, что среди них 81% составляют поэтические фразеологизмы (143 единицы), так как именно эти единицы в языке поэзии традиционно манифестируют отвлечённые понятия. 19% среди единиц данной подсубкатегории составляют общезыковые ФЕ.

Фразеологизмы второй подсубкатегории объединены в четыре семантические разряда и называют: жизнь и смерть; чувства и психо-эмоциональные состояния человека; разнообразные действия, события, явления; поэзию и поэтическое творчество. Внутри разрядов ФЕ объединяются в 10 семантических групп и 9 подгрупп.

§ 1 «Наименования жизни и смерти» посвящён анализу ФЕ, называющих жизнь и смерть (46 ФЕ). Данные единицы создают сложный и многомерный образ бытия (*земное бессилие, назначенный круг, сладость бытия; Ангел Смерти, государыня-смерть, смертный час*). Например: «Так дивно знала я *земную радость* // И праздников считала не двенадцать, // А столько, сколько было дней в году» (Anno Domini); «Что теперь мне *смертное томленьё!* // Если ты со мной ещё побудешь, // Я у Бога вымолю прощенье // И тебе, и всем, кого ты любишь» (Чётки).

Наиболее ярко представлены в поэтической речи А. Ахматовой фразеологические наименования смерти (36 ФЕ), семантика которых соответствует христианскому восприятию данного явления. Смерть в творчестве поэтессы предстаёт как особая реальность. Фразеологизмы данной семантической группы входят в поэтическую парадигму наименований смерти и образуют несколько синонимических рядов образных фразеологических средств, в зависимости от того, какие образные представления положены в их основу.

Чаще всего в поэтической речи Ахматовой физическая смерть уподобляется сну: *последний сон, сладчайший сон, зазывающая дремота*. Чувственно воспринимаемый образ смерти передают ФЕ *смертная боль, хриплый ужас, смертное томленьё*, основу которых составляет представление о смерти как о физической муке. В основе ФЕ *последний миг, смертный час* лежит временной образ. Лексема «час» в поэтическом тексте обладает

двойственным значением, называя одновременно и время совершения чего-либо, и само событие [Панова 2004]; лексема «миг» относится к «субъективным показателям кратковременности» [Яковлева 1994]. В поэтических текстах Ахматовой ФЕ с фразообразующими субстантивными компонентами *час* и *миг* передают эмоционально насыщенное мироощущение говорящего, а в сферу их описания попадают значимые для человека события, в том числе смерть. Например: «О, как сердце мое тоскует! Не *смертного* ль *часа* жду?» (Четки); «Я была на краю чего-то, // Чему верного нет названья... // *Зазывающая дремота*, // От себя самой ускользанье» (Нечет); «Взглянула – и, скованы *смертную болью*, // Глаза её больше смотреть не могли» (Anno Domini).

В § 2 «**Наименования чувств и психо-эмоциональных состояний человека**» рассматриваются ФЕ, называющие чувства и психо-эмоциональные состояния человека: *любовная пытка*, *крёстная мука*, *гроши счастья*, *пытка счастьем*, *сокровищница памяти*, *огненный недуг* (54 ФЕ). Эти ФЕ позволяют автору передать тончайшие движения человеческой души. Они составляют три семантические группы и называют: любовь; страдание и счастье; присущие человеку свойства и качества.

Наиболее многочисленны в лирике Ахматовой наименования любви (28 ФЕ), которые выражают бушующую в душе лирической героини страсть, передают негативные эмоции, связанные с проявлениями этого чувства. Такая трактовка любви отражает «драматизм существования личности в преддверии мировых катастроф» [Кихней 1997]. Отличительной особенностью лирики Ахматовой является внимание к психологическому аспекту любовных переживаний, поэтому в основу «любовной» фразеологии положены «вещные», материальные образы. Страдания, связанные с любовными переживаниями, воплощаются при помощи образов *болезни* и *муки* (*жалеющая мука*, *испытание железом и огнем*, *любовная пытка*, *нежный недуг*). ФЕ *душевный жар*, *сладостный огонь* служат наименованием сильных страстей, при этом образные компоненты *жар* и *огонь* актуализируют из своего лексического значения сему «страстность», что указывает на высокую напряжённость чувства [Григорьева 1969]. Уподобление любви опьяняющему напитку (*проклятый хмель*; *тёмный душистый хмель*) указывает на силу чувства, угнетающего того, кто его испытывает, атрибутивные компоненты *тёмный*, *душистый*, *проклятый* актуализируют из своих лексических значений семы «мрачный, безрадостный, тяжёлый», поэтому в семантической структуре данных ФЕ актуализируются отрицательные коннотативные семы. Например: «Знаю: гадая, и мне обрывать // Нежный цветок маргаритку. // Должен на этой земле испытать // Каждый любовную пытку» (Вечер); «Но любовь твоя, о друг суровый, // *Испытание железом и огнем*» (Подорожник); «О нет, я не тебя любила, // Палима *сладостным огнём*» (Подорожник).

ФЕ, называющие страдание (14 ФЕ), отражают трагические мотивы в лирике Ахматовой, обусловленные особенностями мировосприятия поэтессы и трагическими событиями в истории России (*голос беды*, *крёстная мука*, *чёрная язва*, *чёрный шепоток беды*). Оппозицию наименованиям страдания составляют ФЕ, номинирующие счастье (2 ФЕ), особенностью семантики которых является наличие у них отрицательной коннотативной окраски (*гроши счастья*, *пытка счастьем*). Например: «Как подарок, приму я разлуку // И забвение, как

благодать. // Но скажи мне, на *крёстную муку* // Ты другую посмеешь послать?» (Anno Domini); «Осторожно подступает, // Как журчание воды, // К уху жарко приникает // *Чёрный шепоток беды*» (Тростник); «И знала я, что заплачу сторицей // В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме, // Везде, где просыпаться надлежит // Таким, как я, - но длилась *пытка счастьем*» (Бег времени).

В § 3 «**Наименования действий, событий, явлений**» рассмотрены ФЕ третьего семантического разряда (47 ФЕ), которые образуют 3 семантические группы и называют: события или активную человеческую деятельность; судьбу; дают качественную характеристику каких-либо явлений. В основе ФЕ данного разряда лежат образы, позволяющие воспринять абстрактную сущность номинируемых явлений сквозь призму каких-либо материальных сущностей. ФЕ, называющие события или активную человеческую деятельность (*земной поклон, крестный ход, первая встреча, погребальные звоны, Последний суд* – всего 20 ФЕ), обладают групповым значением деятельности, которое формируется благодаря грамматически главным субстантивным компонентам - отглагольным существительным *встреча, поклон, суд, звон, сходка* и др. ФЕ, номинирующие судьбу человека (12 единиц), отражают представление о ней как о божественно установленном порядке вещей (*Божья милость, Господняя воля, милосердие Бога*) или как о некоей слепой силе (*воля судьбы, вопль судьбы, золотое клеймо неудачи*). Например: «Ленинградскую беду // Руками не разведу, // Слезами не смою, // В землю не зарю. // ... А *земным поклоном* // В поле зелёном // Помяну...» (Нечет); «И приносил нам солёный ветер // Из Херсонеса *звон пасхальный*» («У самого моря»); «Тебе покорной? Ты сошёл с ума! // Покорна я одной *Господней воле*» (Anno Domini); «Факел, ночь, последнее объятье, // За порогом дикий *воплъ судьбы*» (Тростник).

В § 4 «**Наименования поэзии и поэтического творчества**» рассмотрены ФЕ четвёртого разряда (29 единиц), которые образуют 2 семантические группы и называют: поэзию как вид искусства (*голос лиры, чудесный сад, священное ремесло*) и поэтическое вдохновение, творческое состояние (*творческая печаль, несравненный дар*). Например: «А я иду владеть *чудесным садом*, // Где шелест трав и восклицанья муз» (Anno Domini); «Наше *священное ремесло* // Существует тысячи лет... // С ним и без света миру светло» (Нечет); Я так молилась: «Утоли // *Глухую жажду песнопенья!*» (Белая стая).

Семантика этих фразеологизмов отражает, с одной стороны, духовную суть творческого процесса, осознание высокого назначения поэзии, её божественной силы; с другой стороны, - передаёт отношение к поэтическому творчеству как к особому «ремеслу», требующему полной самоотдачи от человека-творца. Эти фразеологизмы продолжают и развивают классическую традицию, истоки которой находятся в русской лирике XVIII – XIX веков.

В 3 главе «**Семантика фразеологизмов – наименований лица в поэзии А. Ахматовой**» рассматриваются фразеологизмы субкатегории одушевлённости, которая совпадает с субкатегорией лица (115 ФЕ, или 19% от общего количества предметных ФЕ), что отражает общеязыковую закономерность. ФЕ субкатегории лица непосредственно направлены на человека и обозначают человека во всём многообразии его свойств и качеств. К

ним относятся: антропонимы; наименования конкретных личностей; наименования мифологических существ. Внутри разрядов ФЕ данной субкатегории объединяются в 9 семантических групп и 6 подгрупп. Отличительной особенностью лирики А. Ахматовой является наличие большого количества окказиональных, или индивидуально-авторских, фразеологизмов перифрастического характера, номинирующих лицо (57 единиц, или 49% от общего количества ФЕ данной субкатегории); общеязыковые ФЕ составляют 34%, поэтические - 19 %.

§ 1 «Фразеологизмы – антропонимы» посвящён анализу фразеологизмов – антропонимов, которые указывают на разных людей, обладающих одинаковыми свойствами. Данные ФЕ не «привязаны» к конкретному человеку, а могут применяться по отношению к различным лицам, у которых обнаруживается сходство в поведении, в социальном положении или в других признаках. Специфика фразеологизмов-антропонимов в поэзии Ахматовой заключается в том, что к данному разряду относятся не только общеязыковые ФЕ (*вавилонская блудница, христова невеста*), но и индивидуально-авторские единицы: *внучки пушкинских красавиц* - поколение, молодость которого прошла в XIX веке; *милые любители пыток, знатоки в производстве сирот* – защитники Сталина.

Единицы данного разряда объединяются в 3 семантические группы: наименования человека по социальным признакам; наименования человека по внутренним качествам (свойствам характера); фразеологические обращения.

Наиболее многочисленны ФЕ первой группы (22 ФЕ), так как одной из самых важных для Ахматовой является социальная характеристика человека. Данные ФЕ называют лицо по профессии и роду занятий (*простивший грехи, христова невеста*), по межличностным связям и взаимоотношениям (*виновник недуга, друг сердца*) либо являются наименованиями поколений или больших групп людей (*века прошлого дряхлеющий посев; сиделки тридцать седьмого*). Например: «Со мной всегда мой верный, нежный друг, // С тобой твоя весёлая подруга. // Но мне понятен серых глаз испуг, // И ты виновник моего недуга» (Четки); «А все, кого я на земле застала, // Вы, века прошлого дряхлеющий посев!...» (Нечет).

Фразеологизмы - наименования человека по внутренним качествам (свойствам характера) называют людей как носителей психических, духовных свойств, обнаруживающихся в поведении (*Дон Жуан, Дон Кихот, окаянная душа, Синяя Борода* – всего 9 ФЕ). Особенностью формирования семантики многих ФЕ является то, что в их основе лежат имена известных персонажей, которые подверглись переосмыслению, приобрели нарицательное значение и стали использоваться как собирательные образы людей с типичными свойствами [Мокиенко 2005].

Фразеологические обращения (11 ФЕ) относятся к обобщённым наименованиям лица, номинативная функция у них сопряжена с апеллятивной и с оценочно-характеризующей. В поэзии Ахматовой они чаще всего имеют положительную коннотацию и передают отношение лирической героини к адресатам стихов (*ангел мой, детоньки мои, мой мальчик, утешный мой*). Например: «Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил // За то, что в дом свой

странницу пустил» (Anno Domini); «О, *ангел мой*, не знай, не ведай // Моей теперешней тоски» (Подорожник).

В § 2 «**Фразеологизмы - наименования конкретных личностей**» рассмотрены ФЕ, которые отражают субъективно-личное отношение автора к адресату речи (51 ФЕ). Эти ФЕ обозначают конкретную личность: человека, с кем Ахматова была знакома лично, либо конкретного исторического деятеля. Такие фразеологизмы обладают высокой степенью индивидуализации, поэтому среди них выделяется большое количество индивидуально-авторских ФЕ перифрастического характера, которые позволяют автору, не называя прямо кого-либо, указать на характерные черты того или иного человека, дать его яркую характеристику, выделить его наиболее существенные свойства.

Фразеологизмы данного семантического разряда представлены четырьмя семантическими группами, называемыми: поэтов и писателей, чьё творчество высоко ценила Ахматова (*смуглый отрок, любимец двух столетий* – А.С. Пушкин; *омский каторжанин* – Ф.М. Достоевский; *трагический тенор эпохи* – А. Блок; *собеседник роц* – Б. Пастернак); современников поэтессы (*лихой Ярославец* - Борис Анреп, *яростный спорщик* - Лев Гумилёв, *коломбина десятых годов, подруга поэтов* - О. Глебова-Судейкина); «двойников» лирической героини (*царскосельская весёлая грешница, целительница нежного недуга, городская сумасшедшая*); исторических деятелей.

В основу ФЕ первой и второй групп, называющих «товарищей по цеху» и современников поэтессы, могут быть положены различные признаки: внешний вид человека (*смуглый отрок*); его социальная характеристика (*омский каторжанин*); профессиональные качества (*первый поэт*); свойства характера (*лебедь надменный*); особенности таланта (*трагический тенор эпохи*). Огромную роль в формировании семантики этих единиц играет субъективно-личное отношение автора к адресату речи. Например: «Страну знобит, а *омский каторжанин* // Всё понял и на всём поставил крест» (Бег времени); «А там, между строк, // Минуя и ахи и охи, // Тебе улыбнётся презрительно Блок, // *Трагический тенор эпохи*» (Стихи последних лет).

Наименования «двойников» лирической героини (*жар вашего дыханья, твоя старая совесть, любимица всех друзей, плакальщица дней не бывших*), с которой поэтесса отождествляет самоё себя, отражают особенности мироощущения Ахматовой. Например: «Показать бы тебе, насмешнице // И *любимице всех друзей, // Царскосельской весёлой грешнице, //* Что случится с жизнью твоей...» («Реквием»). В формировании семантической структуры данных единиц принимают участие неодушевлённые существительные, обозначающие отвлечённые понятия (*голос, жар, отраженье, совесть*). Вследствие развития у данных ФЕ конкретного значения, абстрактная сема совмещается с семой «лицо». Например: «Я – *голос ваш, жар вашего дыханья, // Я – отраженье вашего лица*» (Бег времени).

Имена исторических деятелей (*боярыня Морозова, Жанна д'Арк, наместник Рима, Пётр Великий*) выступают как целостные знаки и воспринимаются как прецедентные тексты [Лукин 2005], или прецедентные имена [Кузьмина 1999], и в поэзии Ахматовой становятся воплощением определённых образов. Например: «С душистою веткой берёзовой // Под Троицу в церкви стоять, // С *боярынею Морозовой* // Сладкий медок попить,

// А после на дровнях в сумерки // В навозном снегу тонуть... // Какой сумасшедший Суриков // Мой последний напишет путь?» (Бег времени).

В § 3 «**Наименования мифологических существ**» рассмотрены ФЕ, которые формируют религиозно-мифологический пласт поэзии Ахматовой (22 ФЕ). Они объединяются в 2 семантические группы и называют христианских святых и божеств, а также мифологических существ. ФЕ первой группы обозначают особо почитаемых в России христианских святых и божеств (*Пресвятая Богородица, святой Егорий, Смоленская Заступница, Царь Небесный*), которые в сознании лирической героини не являются абстрактными сущностями, а приобретают зримый, реальный облик, так как они совершают реальные поступки, взаимодействуют с лирической героиней. Например: «Исцелил мне душу *Царь Небесный* // Ледяным покоем нелюбви» (Белая стая); «Что мне делать! *Ангел полуночи* // До зари беседует со мной» (Тростник). Особенность формирования семантической структуры этих ФЕ связана с наличием в их составе атрибутивных компонентов *божий, небесный, святой, пресвятая*, которые актуализируют из своего лексического значения семы «относящийся к богу», «имеющий высшую степень святости».

ФЕ второй группы называют персонажей христианской мифологии (*бессмертный любовник Тамары, Владыка Мрака, Лотова жена*); славянских языческих мифологических существ (*деды-морозы, Морская царевна*); Музу поэта (*милая гостья с дудочкой в руке, Муза Плача, Муза-сестра, стройная гостья*). Наименования персонажей христианской мифологии, например, ФЕ *Лотова жена* и *отдавшая жизнь за единственный взгляд*, выражают нравственную позицию поэтессы, которая вместо спасения (эмиграции) выбирает верность родному очагу, поэтому в стихотворении Ахматовой «библейский грех неповиновения оборачивается трагедией верности» [Кихней 1997]. ФЕ, номинирующие Музу, создают видимый и осязаемый образ богини, не традиционный для русской поэзии, указывают на её творческое родство с лирической героиней стихов. Например: «Когда я ночью жду её прихода, // Жизнь, кажется, висит на волоске. // Что почести, что юность, что свобода // Пред *милой гостьей с дудочкой в руке*» (Тростник).

В 4 главе «Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц в поэзии Анны Ахматовой» рассмотрены трансформации ФЕ в лирике Ахматовой.

Исследуя приёмы индивидуально-авторских преобразований фразеологизмов в творчестве поэтессы, мы опирались на работы И.В. Дубинского [Дубинский 1964], А.М. Мелерович [Мелерович 1989, 2001]; Н.Ю. Третьяковой [Третьякова 1993, 2005, 2006], Н.В. Халиковой [Халикова 1997], А.Г. Ломова [Ломов 1998], Е.В. Тюменцевой [Тюменцева 2000, 2002], В.М. Мокиенко [Мокиенко 2001], Г.И. Алиомаровой [Алиомарова 2003] и др.

Под индивидуально-авторскими преобразованиями, вслед за Е.В. Тюменцевой, мы понимаем «такие трансформации ФЕ, которые приводят к несистемным изменениям в значении и форме производного знака, привнося в него различные смысловые оттенки, меняя его экспрессивность, эмотивность и оценочность с точки зрения восприятия соответствующего контекста» [Тюменцева 2000].

Обобщая концепции различных авторов применительно к творчеству А. Ахматовой, мы выявили 4 фактора, обуславливающие различного рода трансформации фразеологических единиц при функционировании их в речи: 1) раздельнооформленность ФЕ при семантической целостности [Жуков 1986; Мокиенко 1989; Диброва 1979]; 2) особенности семантики ФЕ: денотативное значение слито с коннотативным [Диброва 1979; Тюменцева 2002; Мелерович, Мокиенко 2001; Третьякова 2004]; 3) экспрессивность ФЕ [Тюменцева 2000; Халикова 1997]; 4) требования художественного замысла автора [Алиомарова 2003; Третьякова 2006].

Специфическая черта функционирования фразеологии в поэзии Анны Ахматовой - использование большого количества трансформированных единиц: 126 узуальных и 230 поэтических фразеологизмов с предметным типом семантики подверглись различным преобразованиям (59% от общего количества ФЕ). На преобразование фразеологизмов в творчестве поэтессы влияет их контекстное окружение, культурно-исторический контекст, а также цели, которые ставит перед собой автор в конкретном стихотворении. Узуальные и поэтические фразеологизмы часто подвергаются различным трансформациям, что определяется структурно-семантической и функциональной спецификой данных единиц. Узуальные фразеологизмы утрачивают внутреннюю форму, предметное значение их компонентов не осознаётся, поэтому у них преобразуется внешняя форма, что приводит к изменению семантики. Поэтические фразеологизмы, как правило, сохраняют внутреннюю форму, поэтому трансформации подвергается образ, положенный в основу единицы.

В § 1 «Индивидуально-авторские преобразования общеязыковых ФЕ» рассмотрены особенности трансформации общеязыковых ФЕ в лирике Ахматовой. Поэтесса умело преобразует ФЕ, изменяя их структуру и создавая новые смысловые комбинации, диалектически развивает и использует глубочайшие возможности заложенных во фразеологизмах семантических оттенков и экспрессивно-стилистических окрасок, актуализирует контекст. Индивидуально-авторские трансформации узуальных ФЕ в стихах А. Ахматовой можно разделить на два типа: 1) семантические; 2) структурно-семантические преобразования (в соответствии с классификацией А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко) [Мелерович, Мокиенко 2001].

Семантические преобразования, не затрагивающие лексико-грамматическую структуру ФЕ, очень мало представлены в поэзии А. Ахматовой: нами выявлено 9 предметных ФЕ, подвергшихся семантическим преобразованиям.

В большинстве случаев узуальные фразеологизмы в произведениях поэтессы подвергаются структурно-семантическим преобразованиям (117 ФЕ), которые представляют собой смысловые преобразования фразеологических единиц, сопряжённые с изменением их компонентного состава и/или грамматической формы [Мелерович, Мокиенко 2001]. Вслед за А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко в поэзии А. Ахматовой мы различаем два основных типа структурно-семантических преобразований ФЕ: 1) преобразования, не приводящие к нарушению тождества фразеологизмов; 2)

преобразования, в результате которых возникают окказиональные (индивидуально-авторские) фразеологизмы.

Структурно-семантические преобразования, не приводящие к нарушению тождества ФЕ, способствуют образованию окказиональных вариантов фразеологизмов (96 единиц). В результате такого рода преобразований фразеологизм приобретает индивидуально-авторское значение, отличное от узуального, при этом изменяется образность и экспрессивность ФЕ. В поэзии А. Ахматовой к наиболее частотным преобразованиям данного типа относятся изменения в расположении компонентов (40 ФЕ) и изменения компонентного состава ФЕ (41 единица). Например: «Вновь Исаакий в облаченьи // Из литого серебра. // Стынет в грозном нетерпеньи // конь *Великого Петра*» (Чётки); «Ты знал, во мне еще жива // *Страстная, страшная неделя*» (Белая стая, 81); «И серые пушки гремели // На *Троицком* гулком мосту» (Anno Domini).

Преобразования, приводящие к нарушению тождества ФЕ, способствуют созданию окказиональных (индивидуально-авторских) фразеологизмов (21 ФЕ), среди которых наиболее ярко в лирике Ахматовой представлены единицы, образованные в результате изменения категориального значения исходных единиц (9 ФЕ). Например, в результате структурно-семантической трансформации процессуального фразеологизма *отпускать (отпустить) грехи*, имеющего значение «прощать грехи верующим», образована окказиональная единица *простивший грехи*, которая приобретает предметное категориальное значение и становится наименованием священника: «Умолк *простивший* мне грехи. // Лиловый сумрак гасит свечи» (Чётки).

В некоторых фразеологизмах А. Ахматова совмещает разные виды трансформаций (9 ФЕ), благодаря чему происходит усиление экспрессивности ФЕ, становится более яркой их коннотативная окраска либо создаются окказиональные единицы. В большинстве случаев поэтесса совмещает такие виды преобразований, как изменение компонентного состава и порядок расположения компонентов исходного фразеологизма (7 ФЕ). Например: «Как ни стремилась к *Пальмире* я *Золотоглавой*, // Но суждено мне здесь дожить до первой розы» (Нечет), исходная ФЕ – *Северная Пальмира*.

Используя в разных стихотворных текстах один и тот же фразеологизм, поэтесса стремится к его структурному и семантическому обновлению. ФЕ, называющие знаковые в творчестве и жизни поэта понятия (*белые ночи, смертный час, Божья милость*), в разных поэтических произведениях подвергаются разнородным трансформациям. Например: «Там шепчутся *белые ночи* мои // О чьей-то высокой и тайной любви» (Стихи последних лет) – без изменений; «Как тебе, сынок, в тюрьму // *Ночи белые*, глядели» («Реквием») - синтаксическая инверсия; «Над тобой лишь твоих прелестниц, // *Белых ноченек хоровод*» («Поэма без героя») - расширение компонентного состава ФЕ, развитие фразеологического значения, связанное с изменением образного плана в результате олицетворения.

В § 2 «**Индивидуально-авторские преобразования поэтических фразеологизмов**» рассмотрены способы преобразования традиционной поэтической фразеологии в лирике А. Ахматовой. 230 единиц, или 67% от общего количества поэтических фразеологизмов, в стихах поэтессы подвергаются трансформациям. Автор выбирает менее распространённые в

лирике образные модели сочетаний, усиливает вещную основу слов-образов. Трансформация образа происходит благодаря включению в состав ФЕ оригинальных эпитетов в качестве квалифицирующих компонентов (110 ФЕ): *земной ад* → *проклятый ад* (Вечер); *круг жизни* → *назначенный круг* (Стихи последних лет); *сон земной* → *сон пространства* (Тростник). Расширению синонимических рядов образных фразеологических средств способствует включение новых образных компонентов (35 ФЕ): *терновый венец* → *ржавый колючий веночек* (Стихи последних лет).

Создание окказиональных фразеологизмов на основе существующих в языке поэзии образных моделей (75 ФЕ) приводит к увеличению количества синонимических рядов в рамках какой-либо парадигмы. В редких случаях поэтесса использует нефразеологическую форму выражения устойчивой образности, или синтаксическое развёртывание образа (2 ФЕ), а также формирует новую образную парадигму (8 ФЕ). Например, в русской поэзии не выявлено образных фразеологических наименований бессонницы и доброты [Словарь языка поэзии, 2004], однако в стихах Ахматовой окказиональные фразеологизмы *млеющий жар бессонницы* (бессонница) и *ненужный дар жестокой жизни* (доброта) называют данные понятия, следовательно, названные поэтические фразеологизмы включаются в формирующиеся парадигмы.

В заключении диссертации обобщаются результаты работы, формулируются выводы и намечаются возможные пути дальнейшего изучения фразеологии в творчестве Анны Ахматовой.

Диссертационное исследование имеет ряд перспектив: издание словаря фразеологии, функционирующей в поэтических текстах А. Ахматовой; изучение семантики процессуальных, качественно-обстоятельственных, атрибутивно-предикативных, модальных, количественных, грамматических фразеологизмов в творчестве поэтессы; выявление функциональных особенностей ФЕ в поэтических и прозаических произведениях А. Ахматовой; изучение интертекстуальных единиц в творчестве поэтессы.

Основные положения диссертации отражены в следующих печатных работах:

Статья в журнале, рекомендованном ВАК для публикации результатов диссертационного исследования:

1. **Кудрина, Н. В.** Поэтические фразеологизмы, называющие явления природы, в лирике Анны Ахматовой [Текст] / Н. В. Кудрина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета : научный журнал. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ. - 2007. - № 3. - С. 244-253.

Статьи в сборниках научных трудов и тезисы докладов на научно-практических конференциях:

2. **Кудрина, Н. В.** Фразеологический топос А. Ахматовой [Текст] / Н. В. Кудрина // Фразеологизм : семантика и форма : сборник статей, посвящённых юбилею В.А. Лебединской. - Курган: Изд-во КГУ, 2001. – С. 50-52.

3. **Кудрина, Н. В.** Фразеология в «Поэме без героя» Анны Ахматовой [Текст] / Н. В. Кудрина // Семантика и форма фразеологических знаков языка : тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Отв. ред. Н.Б. Усачёва. - Курган: Изд-во КГУ, 2003. – С. 70-72.
4. **Кудрина, Н. В.** Соединилась связь времен : Достоевский и Ахматова [Текст] / Н. В. Кудрина // Сергеевские чтения : сборник материалов внутривузовской научно-практической конференции : вып. 5. Отв. ред. В.А. Лебединская. – Курган: Изд-во КГУ, 2003.– С. 49-53.
5. **Кудрина, Н. В.** Предметная фразеология в поэзии А. Ахматовой [Текст] / Н. В. Кудрина // Семантика русских фразеологизмов : сборник научных трудов профессорско-преподавательского состава филологического факультета КГУ. Отв. ред. Е.Р. Ратушная. – Курган: Изд-во КГУ, 2003. – С. 35-42.
6. **Кудрина, Н. В.** Фразеосемантическое поле смерти в поэзии Анны Ахматовой [Текст] / Н. В. Кудрина // Фразеологические чтения памяти профессора Валентины Андреевны Лебединской : вып. 2. Отв. ред. Н.Б. Усачёва. – Курган: Изд-во КГУ, 2005. – С. 114-118.
7. **Кудрина, Н. В.** Индивидуально-авторские трансформации фразеологических единиц в поэзии А. Ахматовой [Текст] / Н. В. Кудрина // Информационный потенциал слова и фразеологизма : сборник научных статей. – Орёл, 2005. – С. 351-355.
8. **Коршкова, Е. А., Кудрина, Н. В.** Поэтическое «ремесло» в перифрастике В. Ходасевича и А. Ахматовой [Текст] / Е. А. Коршкова, Н. В. Кудрина // Fraseologicke studie, IV. – Bratislava: Veda Vydavateestvo Slovenskej Akademie Vied, 2005. – С.164-170.
9. **Кудрина, Н. В.** Категория времени во фразеологии А. Ахматовой [Текст] / Н. В. Кудрина // Виноградовские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тобольск: ТГПИ им. Менделеева, 2005. – С. 93-94.
10. **Кудрина, Н. В.** Именные перифразы в поэзии А. Ахматовой [Текст] / Н. В. Кудрина // Третьи Лазаревские чтения : традиционная культура сегодня : теория и практика : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. - Челябинск, 2006. – С. 109-115.
11. **Кудрина, Н. В.** Типы сверхсловных номинативных единиц в языке поэзии Анны Ахматовой (на примере единиц с предметной семантикой) [Текст] / Н. В. Кудрина // Международная научно-практическая конференция «Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры». - М.: Элпис, 2006. – С. 206-209.
12. **Кудрина, Н. В.** Фразеологические обращения в лирике Анны Ахматовой [Текст] / Н. В. Кудрина // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык : исторические судьбы и современность». Сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпова. – Москва: МАКС Пресс, 2007. – С. 662-663.
13. **Кудрина, Н. В.** Поэтические фразеологизмы, называющие вдохновение, творческое состояние в лирике Анны Ахматовой // Электронный вестник Центра переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвострановедению СПбГУ, 2006. – Вып. 3. // <http://www.evcppk.ru/article.php?=12794.pdf>

14. **Кудрина, Н. В.** Фразеологические наименования исторических деятелей в лирике А. Ахматовой [Текст] / Н. В. Кудрина // Славянские языки и культура : материалы международной научно-практической конференции. – Тула: Изд-во «Петровская Гора», 2007. – С. 149-150.
15. **Кудрина, Н. В.** Поэтические фразеологизмы, называющие любовь, в поэзии Анны Ахматовой [Текст] / Н. В. Кудрина // Международная научно-практическая конференция «Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе». – Москва: Элпис, 2008. – С. 339-342.
16. **Кудрина, Н. В.** Предметные фразеологизмы, называющие временные отрезки, в поэзии Анны Ахматовой [Текст] / Н. В. Кудрина // Фразеологические чтения памяти профессора Валентины Андреевны Лебединской : вып. 4. Отв. ред. Н.Б. Усачёва. – Курган: Изд-во КГУ, 2008. – С. 81-83.
17. **Кудрина, Н. В.** Поэтические фразеологизмы, называющие Музу поэта, в лирике Анны Ахматовой [Текст] / Н. В. Кудрина // Актуальные проблемы лингвистики : сборник научных трудов : вып. 2. – Курган: Изд-во КГУ, 2008. – С. 70-74.
18. **Кудрина, Н. В.** Фразеологизмы – наименования локальных объектов в поэзии Анны Ахматовой [Текст] / Н. В. Кудрина // Вестник Курганского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки» : вып. 4. – Курган: Изд-во КГУ, 2008. – № 4. – В печати.